PG
2013
A65
vol.29
1882

Sbornik

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti.

29

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1882.

KRAUS REPRINT LTD.

Nendeln, Liechtenstein

1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Апрѣль. 1882 года.

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности:	
За сентябрь — декабрь 1881 года.....	I—VI
Приложенія къ протоколамъ:	
Списокъ ученыхъ трудовъ А. Н. Веселовскаго со времени избранія его въ экстраординарные академики, составленный Я. К. Гротомъ.....	VII—IX
Списокъ ученыхъ трудовъ И. В. Ягича со времени избранія его въ экстраординарные академики, составленный Я. К. Гротомъ.....	X—XII
Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Правила о преміяхъ А. С. Пушкина.....	XIII—XVI
Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, составленный академикомъ Я. К. Гротомъ. (Разборъ Словаря областнаго Архангельскаго нарѣчія, А. Подвысоцкаго).	XVII—XXX\
Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота..... № 1.	1 — 22
Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ. А. Н. Веселовскаго..... № 2.	1 — 16
Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. Я. К. Грота..... № 3.	1 — 33
Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. № 4.	1 —532
Алфавитный указатель	1 — 8

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЗАСѢДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — Декабрь 1881 года.

Академикъ А. Ф. Бычковъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о кончинѣ члена - корреспондента Академіи Наукъ А. Н. Попова, послѣдовавшей 30-го мая въ Тамбовѣ. Ученые труды Андрея Николаевича, частію исполненные по вызову Академіи, тщательное изданіе письменныхъ памятниковъ древне - славянскихъ и русскихъ и описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова навсегда сохранятъ его имя въ лѣтописяхъ русской науки.

Академикъ А. Ф. Бычковъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на замѣчательный трудъ почетнаго члена Академіи Наукъ графа А. С. Уварова, недавно вышедшій въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Археологія Россіи. Каменный періодъ.» Систематическое изображеніе быта людей, населявшихъ Россію въ томъ періодѣ, который носитъ названіе каменнаго, описаніе формъ и матеріала орудій, которыми пользовался для различнаго употребленія человѣкъ въ эту отдаленную эпоху, а также его жилищъ, наконецъ изложеніе послѣдовательнаго развитія культуры человѣка, жившаго въ Европейской Россіи въ каменный періодъ, таково содержаніе книги, подобной которой не было у насъ и которую съ гордостію можно поставить рядомъ съ самыми выдающимися сочиненіями объ этомъ предметѣ въ западныхъ литературахъ. 6428 каменныхъ орудій, найденныхъ въ Россіи, частію подробно описанныхъ графомъ Уваровымъ, частію изображенныхъ на рисункахъ, приложенныхъ къ его сочиненію, послужили богатымъ и надежнымъ матеріаломъ къ

начертанію вѣроятной картины того незапамятнаго времени, когда человѣку приходилось вести упорную борьбу за свое незавидное существованіе. На всемъ трудѣ лежитъ печать искусной и свѣдущей руки, которая уже подарила науку многими важными изслѣдованіями.

Академикъ А. Ф. Бычковъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія о новой постигшей его потерѣ въ лицѣ члена-корреспондента А. А. Котляревскаго, скончавшагося на 44 году отроду, въ Пизѣ, 29 сентября, послѣ продолжительной болѣзни. На всѣхъ трудахъ покойнаго, отъ обширной книги до небольшой статьи, лежитъ печать несомнѣннаго таланта и самостоятельности, и всѣ они свидѣтельствуютъ какъ объ его искуствѣ излагать предметы изслѣдованія въ доступной изящной формѣ, такъ и объ умѣньи обобщать явленія. Его сочиненія: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» и «Древности права Балтійскихъ Славянъ» составляютъ цѣнный вкладъ въ науку, а его послѣдній трудъ: «Библіологическій опытъ древней русской письменности», единственный въ своемъ родѣ, долгое время будетъ служить настольною книгою у занимающихся.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ и прочелъ слѣдующія главы продолженія своихъ «Разысканій въ Области русскаго духовнаго стиха»: VI. Духовные сюжеты въ литературѣ народной поэзіи Румынъ. VII. Румынскія, греческія и южно-русскія колядки». А изъ «южно-русскихъ былинъ»: III. Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. IV. О Чурилѣ и Суровцѣ Суздальцѣ. V. Бой отца съ сыномъ въ русскомъ эпосѣ. VI. Какъ перевелись на Руси богатыри. VII. Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ Змѣевичъ, Илья и Идолище. VIII. Царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ. IX. Святогоръ и Самсонъ. X. Дюкъ Степановичъ. XI. Братство названое въ эпосѣ и обычаѣ. Изъ «Замѣтокъ по литературѣ и народной словесности»: 1. Эпизодъ о южной царицѣ въ палеѣ. 2. Древне-русская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ и такъ называемыя Видѣнія Данила. 3. Entrische Liûte.—Опредѣлено всѣ названные труды академика напечатать въ Сборникѣ Отдѣленія.

Наслѣдники покойнаго академика П. И. Срезневскаго представили приготовленный ими къ печати текстъ матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка на букву А, съ просьбою сдѣлать указанія и замѣчанія, которыми они могли бы руководствоваться при обработкѣ послѣдующихъ буквъ. Академики А. Ф. Бычковъ и

И. В. Ягичъ приняли на себя трудъ разсмотрѣть текстъ словаря и вызвались представить Отдѣленію свои замѣчанія.

Читано письмо П. А. Ефремова къ академику Я. К. Гроту, въ которомъ первый проситъ доставить ему, для изданія, письма А. С. Пушкина къ Плетневу и Яковлеву. Отдѣленіе, находя, что по плану изданія сочиненій Плетнева переписка его должна составить одну изъ существенныхъ частей *этого* изданія, не признало удобнымъ выдѣлить изъ нея письма Пушкина, тѣмъ болѣе что они составляютъ съ письмами самого Плетнева какъ бы одно цѣлое; что же касается писемъ или вѣрнѣе записокъ Пушкина къ Яковлеву, то Я. К. Гротъ заявилъ, что къ сообщенію ихъ онъ не находитъ препятствія.

Читано письмо учителя Гомельской прогимназіи Романова къ тому же академику отъ 10 октября съ изложеніемъ хода своихъ занятій по бѣлорусскому словарю и съ просьбою рѣшить представившееся ему при этомъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли ему составить новый бѣлорусскій словарь или ограничиться дополненіемъ словаря г. Носовича. Положено сообщить г. Романову, что по мнѣнію Отдѣленія, послѣдній трудъ былъ бы нужнѣе.

Читано письмо управляющаго Архангельскою Конторою Государственнаго Банка А. О. Подвысоцкаго къ академику Гроту отъ 10 сентября 1881 г. съ нѣкоторыми поясненіями относительно представленнаго первымъ на соисканіе Ломоносовской преміи рукописнаго труда: «Словарь Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи». Положено заняться разсмотрѣніемъ этой рукописи, переданной академику Гроту.

Читано письмо К. О. Александрова-Дольника изъ Москвы отъ 24 минувшаго августа на имя Отдѣленія съ препровожденіемъ «Сравнительнаго словаря славяно-русскаго языка со всѣми другими языками индо-европейскаго племени», и съ просьбою о содѣйствіи къ изданію онаго. Положено предварительно ближе ознакомиться съ рукописью, составляющею два большіе тома въ листъ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ сообщилъ, что онъ во время пребыванія за границею, продолжая пополнять матеріалы свои для біографій нѣкоторыхъ изъ членовъ Россійской Академіи, между прочимъ старался отыскать свѣдѣнія о профессорахъ, лекціи которыхъ слушалъ Козодавлевъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, и вообще о состояніи Лейпцигскаго университета во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, когда въ числѣ студентовъ этого университета было довольно много Русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

собиралъ данныя, выясняющія появленіе и содержаніе въ высшей степени важной записки о русскихъ писателяхъ, въ первый разъ напечатанной въ Лейпцигскомъ журналѣ «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste».

Во вниманіи къ ученымъ трудамъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Александра Николаевича Веселовскаго и Игнатія Викентьевича Ягича, появившимся со времени избранія ихъ годъ тому назадъ въ экстраординарные академики, въ Отдѣленіи возбужденъ былъ вопросъ объ удостоеніи ихъ званія ординарныхъ академиковъ, и по прочтеніи составленнаго вслѣдствіе того академикомъ Я. К. Гротомъ списка изслѣдованіямъ ихъ за означенный періодъ, произведена была баллотировка, по которой оба оказались единогласно признанными кандидатами на означенное званіе. Положено представить о томъ въ Общее Собраніе выпискою изъ протокола съ приложеніемъ списковъ ученымъ трудамъ ихъ. (См. ниже).

Академикъ Я. К. Гротъ доложилъ, что Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину передалъ чрезъ его посредство въ вѣдѣніе Академіи Наукъ оставшіеся отъ расходовъ на памятникъ и назначенные на учрежденіе премій имени А. С. Пушкина 20.000 руб. въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа и сверхъ того 313 руб. кредитными билетами. Вслѣдствіе того опредѣлено публиковать утвержденныя Министерствомъ народнаго просвѣщенія правила о помянутыхъ преміяхъ, съ извѣщеніемъ, что первое присужденіе имѣетъ быть 19-го октября 1882 года, конкурсъ же на это присужденіе будетъ продолжаться до 29-го будущаго января мѣсяца.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, заявивъ, что онъ намѣренъ нынѣ же приступить къ печатанію VI выпуска «Исторіи Россійской Академіи», прочелъ начало составляемой имъ біографіи Козодавлева и представилъ первые листы рукописи для препровожденія въ типографію.

Академикъ Гротъ, сообщивъ о ходѣ печатанія имъ сочиненій покойнаго академика Плетнева, изложилъ затрудненія, встрѣчаемыя имъ при включеніи въ это изданіе отдѣла помѣщавшихся въ *Современникѣ* извѣстій о вновь выходившихъ книгахъ и краткихъ рецензій. По прочтеніи академикомъ нѣсколькихъ образчиковъ этого отдѣла, положено, согласно съ выраженнымъ имъ мнѣніемъ, предоставить ему печатать мелкіе разборы только такихъ книгъ,

которыя относятся къ исторіи литературы и къ изящной словесности, или имѣютъ какое-либо другое общедоступное содержаніе, такъ какъ относительно прочихъ его отзывовъ трудно съ достовѣрностью опредѣлить, которыя изъ нихъ писаны самимъ Плетневымъ, и притомъ предметы ихъ принадлежатъ къ такимъ спеціальностямъ, въ предѣлахъ которыхъ приговоры его не могли пользоваться полнымъ авторитетомъ.

И. В. Ягичъ напомнилъ объ утратѣ, постигшей недавно одно изъ родственныхъ намъ славянскихъ племенъ—Словенцевъ. Они лишились своего всѣми обожаемаго «отца», своего перваго и главнаго дѣятеля, трудившагося безъ малаго сорокъ лѣтъ въ пользу просвѣщенія словенскаго народа и сохраненія его національности, д-ра Янеза Блейвейса. Онъ скончался $^{17}/_{29}$ минувшаго ноября въ Любляне на 73 году своей жизни, оплакиваемый своимъ народомъ и всѣми цѣнившими его тихую, неутомимую культурную дѣятельность. Когда въ сороковыхъ годахъ національное движеніе, охватившее сосѣднихъ Хорватовъ, извѣстное подъ именемъ Иллиризма, начало распространяться и между Словенцами, Янезъ Блейвейсъ понялъ сразу, какъ помочь національному дѣлу въ средѣ Словенцевъ: онъ создалъ скромный литературный органъ «Новице», въ которомъ сталъ бесѣдовать на простомъ и легкопонятномъ словенскомъ языкѣ съ народомъ, главнымъ образомъ съ крестьянами, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, не превышающихъ ихъ кругозора, не исключая вопросовъ литературнаго, культурнаго и политическаго характера. Онъ сумѣлъ повести это дѣло столь умно, что «Новице» вскорѣ сдѣлались центромъ всѣхъ проявленій національной жизни, самъ же издатель главою цѣлаго народа. Безъ преувеличенія можно утверждать, что на «Новицахъ» развилась и окрѣпла вся новая словенская литература, и потому Блейвейсъ справедливо слыветъ «отцомъ» ея. До конца жизни онъ остался вѣренъ своей главной задачѣ — воспитывать народъ, особенно простолюдина, будить въ немъ охоту къ чтенію словенскихъ книгъ и вливать въ душу любовь ко всему національному, ко всему славянскому. И народъ довѣрялъ своему «Янезу»; онъ считалъ его своимъ вождемъ на трудномъ пути культурно-литературнаго и политическаго возрожденія.

Тотъ же академикъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на вышедшія въ послѣднее время книги: кандидатовъ С.-Петербургскаго университета: 1. Конст. Грота «Моравія и Мадьяры»; 2. Тим. Флоринскаго «Южные Славяне и Византія», и 3, изданный А. О. Патерою

на чешскомъ языкѣ Сборникъ Радецкаго (половины XIV в.), содержащій легендарные тексты.

Академикъ Гротъ читалъ приготовляемую имъ къ печати статью, заимствованную изъ выходящаго въ Стокгольмѣ Историческаго Журнала (Historisk Tidskrift): «Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ, по шведскимъ источникамъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I.

Списокъ ученыхъ трудовъ А. Н. Веселовскаго со времени избранія его въ экстраординарные академики,

составленный Я. К. Гротомъ.

(Продолженіе списковъ, напечатанныхъ въ XVIII и XXI томахъ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности»).

1. *Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.* Статьи: II. Святый Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ.—Ст. III. Алатырь въ мѣстныхъ преданіяхъ Палестины и легенды о градѣ.—Ст. IV. Сонъ о деревѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихѣ о Голубиной книгѣ.— Ст. V. Новыя данныя къ исторіи Соломоновскихъ сказаній. *Записки Академіи Наукъ* и *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*, т. XXI (стр. 1—228) и XXVIII (стр. 1—150).

Первая изъ означенныхъ здѣсь статей (№ II) была вызвана книгою Фогта: Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf (1880 г.), которая въ свою очередь опирается на докторскую диссертацію А. Н. Веселовскаго «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ» и останавливается на добытыхъ имъ результатахъ. Настоящее изслѣдованіе ведетъ ихъ далѣе; оно появится въ нѣмецкомъ переводѣ въ Archiv für Slavische Philologie. Что касается общаго характера разысканій Александра Николаевича, то ихъ точка зрѣнія сводится къ тому, что необходимо принять въ расчетъ историческія, культурныя, христіанскія и т. п. отношенія среды, въ которой суще-

ствуетъ извѣстное вѣрованіе или преданіе, прежде чѣмъ говорить объ ихъ мифологической основѣ. Это не отрицаніе мифологической экзегезы, а утвержденіе метода. Въ западной наукѣ подобное движеніе проявилось лишь недавно: Софусъ Бугге началъ съ этой точки зрѣнія толковать мифологію Эдды, раскрывая въ ней христіанскія и классическія теченія; при этомъ норвежскій ученый ссылается на славянскія параллели, на статью И. В. Ягича (Die christlich-mythologische Schicht и т. д.), которой предшествовалъ трудъ Александра Николаевича: Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. Статья № III, въ которой нашъ авторъ пытается установить на новомъ основаніи генеалогію нашего «алатыря», также появится въ Берлинскомъ Архивѣ (т. VI, вып. 1).

2. *Южно-русскія былины.* I. Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри. II. Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка. *Записки Академіи Наукъ* и *Сборникъ Отдѣленія* т. XXII (стр. 1—78). Слѣдующая за симъ III-я статья уже готова въ рукописи и разъяснитъ методическую точку зрѣнія автора.
3. Croissans crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. *Записки Академіи Наукъ* и *Сборникъ Отдѣленія* т. XXII (стр. 1—30).
4. Разборъ матеріаловъ и изслѣдованій П. П. Чубинскаго, изданныхъ въ Отчетѣ о трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Географическимъ Обществомъ (юго-западный Отдѣлъ). См. *Отчетъ о XXII присужденіи наградъ графа Уварова* въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. XXXVII, кн. II (стр. 167—230).
5. О талмудическомъ источникѣ одной легенды въ палеѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1880 г. апрѣль.
6. Легенды объ императорѣ Траянѣ и о вѣчномъ жидѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1880 г. іюль (стр. 84—97).
7. Нѣсколько замѣтокъ въ *Archiv für Slavische Philologie*, т. V, кн. 3 (1881 г.): Der ewige Jude. — Die Rolandsage in Ragusa. — Zum rumänischen Zuckungsbuch (стр. 398—401, 468—470).
8. Скоро появится въ *Russische Revue*: Neue Forschungen im Gebiete des russischen Volksepos: Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen.

Нѣтъ, кажется, надобности прибавлять еще что-либо къ этому списку позднѣйшихъ, большею частію обширныхъ

изслѣдованій нашего неутомимаго сочлена. Всѣмъ, кто слѣдитъ за явленіями того отдѣла исторіи литературы, которымъ занимается академикъ А. Н. Веселовскій, хорошо извѣстно, сколько новыхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній и разъясненій, почерпнутыхъ изъ первыхъ источниковъ, его разысканія вносятъ въ эту область, хотя и значительно уже разработанную его предшественниками.

II.

Списокъ ученыхъ трудовъ И. В. Ягича со времени избранія его въ экстраординарные академики,

составленный Я. К. Гротомъ.

(Продолженіе списка, напечатаннаго въ XXI томѣ «Сборника Отдѣленія р. яз. и слов.)

Продолжая изданіе печатаемаго въ Берлинѣ журнала Archiv für Slavische Philologie, академикъ Ягичъ помѣстилъ въ V-мъ томѣ его слѣдующія изслѣдованія:

1. Вторую статью «Mythologische Skizzen», разсматривающую свидѣтельства относительно Даждь-бога (стр. 1—14).
2. Изложеніе содержанія сербскихъ сказокъ (№№ 36—58) съ параллелями, полученными отъ извѣстнаго знатока по этой части, Рейнгольда Кёлера. Трудъ этотъ послужилъ поводомъ къ обширному предпріятію нѣсколькихъ германскихъ ученыхъ, задумавшихъ издать большой сборникъ юго-славянскихъ сказокъ къ которому также будутъ присоединены замѣчанія Кёлера.
3. Kritische Nachlese zum Text der altkroatischen Dichter (стр. 85—94), гдѣ исправляются многія мало понятныя мѣста текста древнѣйшаго изъ рагузинскихъ поэтовъ Марулича, дается обозрѣніе всѣхъ акростиховъ, попадающихся въ поэзіи Менчетича и Держича, и указывается на нѣкоторыя бытовыя стороны въ поэзіи рагузинской.
4. Zur Slavischen Runenfrage (стр. 193—215). Авторъ изучалъ въ Стрѣлицѣ характеръ рунъ на тамошнихъ идолахъ и пришелъ къ заключенію, что образцомъ ихъ послужилъ рунический алфавитъ помѣщенный въ сочиненіи Клювера.
5. Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen e, ê, ę in den Slavischen Sprachen. 1-я статья (стр. 534—580) разбираетъ жизнь

гласной *е* и ея переходъ въ ё и ja (я); 2-я разсматриваетъ переходы ѣ и печатается въ 1-мъ выпускѣ VI-го тома «Архива», стр. 73 слѣд.

6. Das altslovenische Evangelistarium Pop. Sava's (стр. 580 — 612). По важности такъ называемой Савиной книги академикъ Ягичъ не хотѣлъ упустить случая провѣрить напечатанный текстъ этого памятника. Въ названной статьѣ и заключаются результаты сдѣланной имъ провѣрки вмѣстѣ съ указаніемъ ея значеній для болѣе вѣрной оцѣнки этого важнаго памятника

Занимаясь изученіемъ церковно-славянскаго и древне-русскаго языка по памятникамъ, Игнатій Викентьевичъ вообще считаетъ. необходимымъ предварительно провѣрить всѣ до сихъ поръ изданные тексты, такъ какъ правильные выводы о различныхъ звуковыхъ тонкостяхъ этихъ языковъ возможны лишь при вполнѣ точныхъ изданіяхъ текстовъ. Съ этою цѣлью онъ прежде всего озаботился провѣркою доступныхъ ему здѣсь, уже напечатанныхъ текстовъ, но въ то же время онъ имѣетъ въ виду также изданіе еще остающихся въ рукописяхъ текстовъ, отличающихся древностію. На первой очереди стоитъ изданіе *глаголическаго четвероевангелія* изъ собранія покойнаго В. И. Григоровича. Оно уже приготовлено г. Ягичемъ къ печати въ такомъ же видѣ, какъ Зографское евангеліе, по списку, сдѣланному имъ съ подлинника. Кромѣ того онъ, во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, списалъ недостающіе въ означенной рукописи два листа этого памятника, находящіеся у Миклошича.

7. Въ Archiv für slavische Philologie разобрано г. Ягичемъ около двѣнадцати сочиненій (стр. 432—456 и 660—685); между прочимъ, по поводу одного изданія, сдѣлано подробное обозрѣніе всего, что въ сербской и болгарской народной поэзіи относится къ главнѣйшему герою сербскаго эпоса, кралевичу Марку.
8. Въ томъ же изданіи помѣщаются, въ каждомъ выпускѣ его, подъ рубрикою Bibliographischer Bericht составляемыя академикомъ Ягичемъ краткія замѣтки о новыхъ книгахъ (стр. 168—180, 319—332, 470—496 и 690—703).
9. На первыхъ же порахъ новой дѣятельности его въ Россіи по университетской кафедрѣ оказалось необходимымъ доставить желающимъ изучать церковно-славянскій языкъ *пособіе*. Съ этою цѣлью печатаются «Образцы церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кириллов-

скимъ», куда вошло довольно много новыхъ до сихъ поръ неизданныхъ текстовъ. Къ этой книгѣ будетъ приложенъ словарь.

10. Сверхъ того академикъ Ягичъ печатаетъ свои «Чтенія о церковно-славянскомъ языкѣ», которыя должны составить два тома: первый занимается фонетикою, второй будетъ посвященъ формамъ языка.
11. Наконецъ, по участію въ трудахъ Общества любителей древней письменности онъ готовитъ къ изданію нѣсколько снимковъ изъ Савиной книги и одного кирилловскаго палимпсеста, на которомъ еще видны слѣды письма глаголическаго. Къ снимкамъ приготовленъ имъ и разборъ этихъ памятниковъ съ палеографической точки зрѣнія.

Въ заключеніе этого очерка ученыхъ трудовъ академика Ягича за истекшій годъ слѣдуетъ упомянуть, что по выбытіи его изъ Берлина тамошняя королевская академія избрала его въ свои члены-корреспонденты. Онъ избранъ также въ дѣйствительные члены Московскаго Общества Исторіи и Древностей.

ОТЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Высочайше учрежденный Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину окончательно завершилъ свою дѣятельность, передавъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ оставшіеся отъ расходовъ на памятникъ и назначенные на учрежденіе премій имени Пушкина 20,000 рублей.

Публикуя во всеобщее свѣдѣніе утвержденныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія правила объ этихъ преміяхъ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности нужнымъ считаетъ пояснить, что первый конкурсъ будетъ продолжаться до 29-го января 1882 года; первое же присужденіе преміи, въ случаѣ удостоенія ею какого-либо труда, имѣетъ быть объявлено 19-го октября того же года.

Правила о преміяхъ А. С. Пушкина.

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го августа 1881 года, въ честь Александра Сергѣевича Пушкина учреждаются при Императорской Академіи Наукъ преміи его имени за сочиненія, указанныя ниже въ пунктѣ 9-мъ.

2. На упомянутыя въ пунктѣ 1-мъ преміи назначается, согласно постановленію Высочайше учрежденнаго для сооруженія памятника Пушкину комитета, капиталъ въ *двадцать тысячъ рублей*, оставшійся, за всѣми расходами на сей послѣдній предметъ, отъ собранной по подпискѣ суммы.

3. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ третьяго Восточнаго займа, передается въ вѣдѣніе Императорской Академіи Наукъ и остается навсегда неприкосновеннымъ; преміи же присуждаются изъ процентовъ онаго.

Примѣчаніе. Отъ Академіи Наукъ зависитъ по ея усмотрѣнію пріобрѣсти и другія процентныя бумаги, съ тѣмъ чтобы таковыя непремѣнно были государственныя или гарантированныя Правительствомъ и давали не менѣе 5% съ капитала.

4. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается премія въ 1,000 руб.; за сочиненія же, въ значительной мѣрѣ отвѣчающія опредѣленнымъ требованіямъ, могутъ быть назначаемы половинныя преміи, въ 500 руб. каждая.

5. Преміи, оставшіяся неприсужденными или по какимъ-либо обстоятельствамъ невыданными, не присоединяются къ основному капиталу, а предназначаются для раздачи, въ полномъ или половинномъ размѣрѣ, въ послѣдующіе конкурсные сроки. Такимъ образомъ каждый разъ могутъ быть присуждаемы двѣ или болѣе преміи того или другого разряда.

6. Могущіе образоваться случайные остатки отъ суммъ, назначенныхъ на преміи, какъ-то: отъ нарослихъ по текущему счету процентовъ, отъ несвоевременно принятыхъ премій и т. п., также не причисляются къ основному капиталу, а остаются въ распоряженіи Академіи Наукъ и присоединяются къ тѣмъ тремъ стамъ тринадцати рублямъ, которые отъ Комитета по сооруженію памятника Пушкину будутъ переданы Академіи сверхъ опредѣленныхъ на преміи 20,000 руб. Эти излишки употребляются на покрытіе экстренныхъ расходовъ, какъ-то: на заготовленіе медалей, на публикаціи и т. п.

7. Пушкинскія премія присуждаются Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

8. Для соисканія премій, сочиненія присылаются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности самими авторами ихъ; но премія можетъ быть присуждаема и за такое сочиненіе, которое по какой-либо причинѣ авторомъ его представлено не было.

9. Пушкинскими преміями награждаются напечатанныя на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія трехъ родовъ: а) ученыя сочиненія по исторіи народной словесности и народнаго языка, по исторіи русской литературы вообще въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, а также и по иностранной литературѣ, насколько таковая имѣла вліяніе на отечественную въ означенномъ пространствѣ времени; б) такія произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ, которыя, при довольно значительномъ объемѣ, отличаются высшимъ художественнымъ достоинствомъ, и в) обстоятельные критическіе разборы выдающихся произведеній по русской изящной литературѣ.

Примѣчаніе. Переводы въ стихахъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній допускаются на конкурсъ наравнѣ съ оригинальными сочиненіями.

10. Изъ категоріи трудовъ, подходящихъ подъ правила Пушкинской преміи, исключаются: а) послѣдующія изданія сочиненія, которое уже было увѣнчано этою преміей въ одномъ изъ прежнихъ изданій, если оно не подверглось такой переработкѣ, что можетъ считаться за новый трудъ; б) сочиненія, уже награжденныя какою-либо другою изъ имѣющихся при Академіи Наукъ премій; в) сочиненія, со времени перваго или вполнѣ переработаннаго изданія которыхъ прошло болѣе трехъ лѣтъ, и г) сочиненія дѣйствительныхъ членовъ Академіи Наукъ. Кромѣ того, Пушкинской преміей не могутъ быть награждаемы сборники необработанныхъ матеріаловъ.

11. Къ участію въ разсмотрѣніи принятыхъ на конкурсъ сочиненій и къ составленію критическихъ разборовъ ихъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности можетъ, по своему усмотрѣнію, приглашать постороннихъ ученыхъ и литераторовъ. Для окончательнаго обсужденія внесенныхъ на соисканіе трудовъ Отдѣленіе приглашаетъ тѣхъ же или другихъ лицъ и вмѣстѣ съ ними образуетъ комиссію, число членовъ которой должно составлять не менѣе семи; для присужденія же преміи требуется не менѣе пяти

одобрительныхъ голосовъ, собираемыхъ посредствомъ закрытой баллотировки.

12. Конкурсъ закрывается ежегодно 29-го января, день кончины Пушкина. Отчетъ о присужденіи премій его имени читается однимъ изъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности въ особомъ публичномъ собраніи Академіи Наукъ, 19-го октября того же года, день основанія Царскосельскаго Лицея.

13. Преміи выдаются лишь самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но никакъ не издателямъ увѣнчанныхъ сочиненій.

14. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи Наукъ, могутъ быть выдаваемы медали, изготовляемыя на средства, означенныя въ пунктѣ 6-мъ.

15. Если бы съ теченіемъ времени, по указанію опыта, то или другое изъ настоящихъ правилъ оказалось не вполнѣ удобнымъ, то объ измѣненіи оныхъ Императорскою Академіею Наукъ, по предложенію Отдѣленія русскаго языка и словесности, испрашивается разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія; при чемъ однакоже самое назначеніе премій не можетъ быть измѣнено.

ОТЧЕТЪ

о

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ,

составленный академикомъ Я. К. Гротомъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1881 года.

Словарь областнаго Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Александръ Подвысоцкій. Рукопись листового формата, 459 стр. кромѣ предисловія.

Извѣстно, какой важный элементъ въ изученіи роднаго языка составляютъ мѣстныя нарѣчія. Отдѣленіе русскаго языка и словесности давно сознавало это, какъ доказываетъ изданный имъ въ 1852 году «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря». Впрочемъ значеніе мѣстныхъ нарѣчій понимали у насъ еще гораздо ранѣе: свидѣтельство тому мы видимъ въ трудахъ Московскаго Общества любителей Россійской Словесности, гдѣ еще въ началѣ 1820-хъ годовъ печатались списки словъ, собранныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Къ сожалѣнію, въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія помянутаго словаря, сдѣлано въ этомъ отношеніи очень мало. Единственнымъ трудомъ, существенно обогатившимъ съ тѣхъ поръ нашу лексикографію, является безспорно словарь Даля, хотя и ему однимъ изъ главныхъ источниковъ послужили академическіе словари, и между прочимъ нашъ областной

словарь. Нападая, иногда очень рѣзко, въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, на лексикографическіе труды Академіи, Даль черпалъ однакожъ изъ нихъ полною рукою; такъ изъ областного нашего словаря заимствовано имъ не только большинство находящихся у него провинціальныхъ словъ, но и самые примѣры къ нимъ, равно какъ имъ извлечены изъ большого академическаго словаря всѣ выраженія, служащія подтвержденіемъ старинныхъ словъ. Если кромѣ словаря Даля, мы назовемъ еще Бѣлорусскій словарь Носовича и нѣсколько краткихъ, далеко не полныхъ малорусскихъ глоссаріевъ, то этимъ исчерпается почти вся наша лексикографическая литература за послѣднія три десятилѣтія. Касательно *Архангельскаго нарѣчія* напечатано у насъ до сихъ поръ лишь нѣсколько небольшихъ списковъ принадлежащихъ ему словъ. Нѣкоторые изъ этихъ списковъ относятся къ годамъ, предшествовавшимъ изданію нашего областного словаря. Такъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1847 годъ (часть неофиціальная) съ № 4-го по 41-й помѣщено составленное Павломъ Кузмищевымъ довольно значительное «Собраніе особенныхъ словъ, употребляемыхъ жителями Архангельской губерніи и мореходами на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ». Въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (книга IV, 1850 г. стр. 121—167) мы находимъ весьма дѣльную статью покойнаго А. И. Шренка [1]) со списком 374-хъ словъ, подъ заглавіемъ: «Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи». Въ новѣйшее же время въ «Трудахъ Арханг. Статистическаго Комитета» (Кн. I. 1866, стр. 45—49) напечатано небольшое собраніе провинціализмовъ этой губ. и въ особенности Кемскаго уѣзда, доставленное Р. Колповскимъ. Къ списку словъ приложено нѣкоторое число пословицъ и поговорокъ, загадокъ, прибаутокъ и баекъ или колыбельныхъ пѣсень (стр. 50—59), сообщенныхъ А. К. Шешенинымъ. Наконецъ, въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности (томъ

[1]) Брата нашего академика Леопольда Ивановича.

VII) въ 1869 г. напечатаны извѣстнымъ нашимъ ученымъ Н. Я. Данилевскимъ дополненія къ академическому областному словарю, въ которыхъ всего многочисленнѣе слова́, записанныя имъ, по просьбѣ Отдѣленія, во время путешествія по Архангельской губерніи [1]).

Нынче представленъ въ Отдѣленіе рукописный «Словарь областного Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи», составленный управляющимъ Архангельскою Конторою Государственнаго банка Александромъ Осиповичемъ Подвысоцкимъ. Здѣсь количество словъ, занимающихъ 450 страницъ въ листъ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ; въ концѣ на 8 страницахъ помѣщено собраніе употребительныхъ въ губерніи загадокъ. Составитель этого труда, уроженецъ Малороссіи, прожившій 10 лѣтъ безвыѣздно въ Архангельской губерніи и такимъ образомъ обладающій преимуществомъ полнаго практическаго знакомства съ двумя главными нарѣчіями русскаго языка, изучилъ этотъ край въ разныхъ направленіяхъ, бывалъ на Мурманскомъ берегу и даже прошелъ Сѣверный океанъ, отъ Норвежской границы до Новой Земли включительно. Во время своихъ переѣздовъ онъ постоянно записывалъ поражавшія его своими особенностями слова́, обороты, поговорки и т. п., и такимъ то образомъ составился находящійся нынѣ въ рукахъ нашихъ словарь.—Собранныя г. Подвысоцкимъ народныя изреченія, пословицы, загадки и пр. послужили ему примѣрами для подкрѣпленія расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ словъ. Кромѣ того онъ пользовался въ этомъ случаѣ академическимъ областнымъ словаремъ и толковымъ словаремъ Даля, насколько они представляли подходящихъ къ спеціальной цѣли его матеріаловъ, и вдобавокъ отмѣтилъ соотвѣтственными объясненіями тѣ изъ словъ архангельскаго нарѣчія, которыя въ томъ же видѣ и значеніи

[1]) Не упоминаю здѣсь о спискѣ словъ, собранныхъ въ Вологодской губерніи Суровцовымъ и Фортунатовымъ, такъ какъ между говорами употребительными въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, при многихъ сходныхъ провинціализмахъ, могутъ быть и значительныя различія.

встрѣчаются также въ польскомъ языкѣ и малорусскомъ нарѣчіи. Но особенный интересъ его труду придаютъ помѣщенныя при множествѣ словъ бытовыя подробности по разнымъ отраслямъ народной жизни.—Намѣреваясь представить нѣсколько образчиковъ содержанія словаря въ этомъ отношеніи, займемся напередъ вопросомъ о степени полноты его.

Уже и самое поверхностное сличеніе этого труда съ тѣми списками словъ архангельскаго нарѣчія, которые выше мною исчислены, показываетъ, что они по количеству содержащихся въ нихъ словъ не могутъ даже и итти въ сравненіе съ словаремъ г. Подвысоцкаго. Но затѣмъ можетъ оставаться сомнѣніе, не заключаютъ ли они въ себѣ такихъ словъ или поясненій къ нимъ, которыхъ нѣтъ въ настоящей рукописи. Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, я, при разсмотрѣніи словаря г. Подвысоцкаго, безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому изъ помянутыхъ списковъ и, наоборотъ, отыскивалъ въ немъ слова, разсѣянныя въ спискахъ, и убѣдился, что за весьма рѣдкими исключеніями онъ соединяетъ въ себѣ не только все, что разбросано въ этихъ спискахъ, но по большей части при тѣхъ же словахъ, которыя помѣщены и въ нихъ, содержитъ поясненія, болѣе обстоятельныя и болѣе полныя. Приведу тому нѣсколько примѣровъ, при чемъ однако же я долженъ заранѣе сдѣлать оговорку, что результатъ сравненія никакъ не можетъ служить въ укоръ предшественникамъ г. Подвысоцкаго, такъ какъ они, при собираніи словъ, и не имѣли въ виду того сравнительно обширнаго плана, какимъ онъ задался, записывая слова большею частію только случайно и, такъ сказать, мимоходомъ.

О словѣ *пахать*, имѣющемъ въ Архангельской губерніи свое особенное значеніе, на которое уже было обращено вниманіе въ нашемъ областномъ словарѣ, у одного изъ прежнихъ собирателей (Ш.) сказано только: «*мести*; такъ *подпахать*, *выпахать* вм. *подмести*, *вымести*, напр. *выпаши дворъ*»; у другого (К): «кромѣ извѣстной земледѣльческой работы, значитъ еще: мести полы, подметать соръ въ комнатѣ. И съ предлогомъ: *вы*, *под*. *Подпах-*

нуть полъ въ избѣ. Трубу *пахать*—очищать отъ сора дымовую трубу у печки». Г. Подвысоцкій, не довольствуясь этими поясненіями и примѣрами, приводитъ подъ словомъ *пахать* цѣлый рядъ фразъ, въ которыхъ выражаются любопытныя народныя примѣты и повѣрья: *соръ при паханьи вынести на улицу — вынести богатство изъ дому* (слѣдуетъ сожигать въ печи); *избу паши, сору на улицу не мечи; послѣ отъѣзда кого-либо изъ домашнихъ не пашутъ три дня полу, а выпашешь—уѣхавшій не воротится; пахать полъ, когда обѣдаютъ — къ убытку; кто не сойдетъ съ мѣста когда пашутъ полъ, и его обметутъ вокругъ, — того будутъ обходить люди; не чисто пашетъ дѣвушка полъ, — мужъ будетъ бѣдный и въ долгахъ; отойдетъ дѣвушка, не окончивъ паханье пола, къ другому дѣлу — мужъ будетъ буйный и натерпится она отъ побоевъ».*

Затѣмъ приведено еще употребленіе того же слова въ выраженіи: «пахать смолу» (производить смолокуренный промыселъ). Это послѣднее употребленіе указано впрочемъ уже и нашимъ областнымъ словаремъ, а затѣмъ отмѣчено и Далемъ.

Слово: *дворъ* въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ объяснено только слѣдующимъ образомъ: «Мѣсто на морѣ, огороженное сѣтями, когда промышляютъ бѣлугъ». У г. Данилевскаго сказано: «то же, что *разъѣздъ*: Широкое отверстіе, образуемое большимъ обручемъ или, лучше сказать, передняя часть мережи»... Г. Подвысоцкій соединяетъ оба эти значенія слова въ слѣдующемъ подробномъ толкованіи: «Дворъ: 1) Огороженное сѣтями пространство въ морѣ для ловли бѣлухъ обмётными неводами (составной изъ многихъ сѣтей ставной неводъ). Освѣдомившись о мѣстѣ, гдѣ появились бѣлухи, промышленники отправляются туда съ порядочнымъ числомъ карбасовъ съ неводами, и окружая осторожно, чтобы не спугнуть звѣря, данную мѣстность, обставляютъ ее со всѣхъ сторонъ неводами какъ бы стѣною. Обходить такимъ образомъ мѣстность карбасами и обставлять ее неводами называется: *сдва́ривать*, а обходъ—*сдва́риваніе*. Когда начинается сдвариваніе, два среднихъ карбаса, — такъ называе-

мые *корневы́е ка́рбасы*, — сблизившись между собою, остаются нѣсколько назади, между тѣмъ, какъ остальные карбасы продолжаютъ обходное движеніе, подаваясь справа и слѣва впередъ; изъ числа ихъ два крайнихъ карбаса, т. е. по одному съ той и съ другой стороны, называются: *клячевые* или *заѣздные карбасы*, и, какъ руководящіе всѣмъ дѣломъ сдвариванія, управляются самыми опытными промышленниками. (Кем. Онеж.). 2) Мотня у невода, сажня въ четыре длины, ширины и вышины, для ловли сельдей (Онеж. Кем. Кол.)».

Возьмемъ еще слово *мани́ха*, которому уже прежними собирателями дано довольно полное опредѣленіе, и посмотримъ, что́ въ этомъ случаѣ говоритъ отъ себя г. Подвысоцкій. *Маниха*, по объясненію Кузмищева, — «ложный, кратковременный отливъ моря, замѣчаемый на прибрежьяхъ Бѣлаго моря. Около середины прилива вода пріостановится въ своемъ возвышеніи или, какъ говорится, *дрогнетъ* на убыль ненадолго и потомъ опять продолжаетъ приливать до максима».

Г. Данилевскій говоритъ: «явленіе замѣчаемое въ части Бѣлаго моря, прилежащей къ устью Двины: въ половинѣ времени прилива вода останавливается и даже упадаетъ, а потомъ снова продолжаетъ возвышаться». Почти то же самое находимъ въ словарѣ Даля. А. И. Шренкъ для объясненія разсматриваемаго термина пользуется путешествіемъ къ Новой Землѣ нашего маститаго президента, адмирала Литке, и выписываетъ изъ его описанія слѣдующее: «Въ устьяхъ Двины и далѣе отъ оныхъ къ морю... періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія. Три часа послѣ начала прилива вода останавливается на одномъ горизонтѣ и потомъ падаетъ на $^1/_2$ или на 2 дюйма, при чемъ иногда замѣчается вглубь направленное теченіе. Такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*. Послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: идетъ *большица*, которая въ 2 или въ 2 $^1/_2$ часа, или ровно черезъ 6 часовъ по начатіи прилива, приводитъ полный приливъ». Г. Подвысоцкій съ своей стороны такъ опредѣляетъ *маниху*:

«случающаяся на побрежьяхъ Бѣлаго моря неправильность прилива, состоящая въ томъ, что вмѣсто постояннаго въ продолженіе шести часовъ возвышенія воды отъ малой до полной, — возвышеніе это продолжается только около $2^1/_2$ часовъ, послѣ чего, въ продолженіе около часа, вода возвышается чуть замѣтно, или же вовсе не возвышается, а иногда даже понижается вершка на три (это называется: *маніха пáлая*, — говорятъ въ такомъ случаѣ: *вода дрогнула на убыль*) и затѣмъ снова правильно возвышается до окончанія прилива (это называется: *маніха прибылáя*). Въ устьяхъ Сѣверной Двины образуется прибылою манихою на мелкихъ мѣстахъ опасный для судовъ ложный фарватеръ или такъ называемая *заманíха*». Мы видимъ, что наблюдательность нашего лексикографа дала ему возможность сообщить относительно этого явленія нѣсколько любопытныхъ дополнительныхъ подробностей. Но кромѣ того ему извѣстно еще другое значеніе слова *маниха*, ускользнувшее отъ вниманія остальныхъ собирателей: «Глубокое замкнутое съ трехъ сторонъ отмелями мѣсто въ морѣ, откуда зашедшія по невѣдѣнію суда вынуждены направляться обратно». Что касается упоминаемой графомъ Литке *большицы*, то и это слово не пропущено г. Подвысоцкимъ и записано имъ въ своемъ мѣстѣ съ такимъ поясненіемъ: «дѣйствительная, правильная послѣ *манихи* прибылая вода».

Кромѣ сличенія подлежащаго суду нашему словаря съ имѣющимися списками словъ Архангельской губ., я, для повѣрки полноты и точности его, прибѣгалъ къ появившимся въ разное время описаніямъ этого края и упоминаемыя въ нихъ провинціализмы разыскивалъ въ доставленномъ намъ трудѣ. Такъ, много такихъ словъ найдено мною въ IV части «Путешествій» Лепехина, который напр. *маниху* называетъ «малымъ приливомъ и отливомъ» (стр. 35). У него же встрѣтились мнѣ между прочимъ слѣдующія слова, которыя всѣ нашлись и у г. Подвысоцкаго: 1) *алапера*. По объясненію Лепехина это кожица на тѣлѣ бѣлухъ (25). Г. Подвысоцкій опредѣляетъ это слово съ большею точностью. 2) *Бѣлуха* или *бѣлуга*. Лепехинъ подробно описываетъ ловлю этого

морскаго звѣря (22—25). Г. Подвысоцкій правильно приводитъ научный терминъ его (Delphinopterus leucas), но напрасно отожествляетъ его съ Морской Коровой, видомъ, который, какъ извѣстно давно уже вымеръ, развѣ можетъ-быть названіе его сохранилось въ неточномъ значеніи у промышленниковъ Сѣвернаго Океана. 3) *Весновальный ка́рбасъ*—гребное, парусное судно для весенняго промысла трески и морского звѣря, къ чему г. Подвысоцкій прибавляетъ: «ко дну его придѣлываются, для удобнѣйшаго вытаскиванія на берегъ или на ледъ, два въ видѣ полозьевъ, въ равномъ разстояніи отъ килевой части, бруса, называемые *крень, кренья*». 4) *Желѣзныя ворота* — морской заливъ, мѣсто котораго опредѣлительно указано г. Подвысоцкимъ. 5) *Залёжка*— стадо моржей и тюленей, отдыхающихъ на прибрежныхъ льдахъ. Къ этому значенію, сходному съ тѣмъ, какое находимъ у Лепехина, г. Подвысоцкій присоединяетъ еще два: а) мѣсто, гдѣ залегаютъ моржи и тюлени; б) засада, гдѣ охотники подстерегаютъ дикихъ оленей или другую дичь. 6) *Клетчина*. Лепехинъ говоритъ (стр. 5): «Поморки довольно искусны въ тканіи узорныхъ скатертей и салфетокъ, что́ все они подъ именемъ *клетчины* продаютъ въ городѣ Архангельскомъ и весною съ своимъ издѣльемъ ходятъ по городу стадами». У г. Подвысоцкаго находимъ такое же объясненіе этого слова. Такимъ же образомъ, согласно съ ученымъ путешественникомъ, хотя совершенно самостоятельно и иногда подробнѣе, объяснены у г. Подвысоцкаго слова: *котляна* (артель промышленниковъ), *корешки* (корюхи), *кутило* (острога для битья морскаго звѣря), *покрученикъ* (работникъ, нанятый изъ условленнаго пая на промысловое судно), *рявца* (порода рыбы) и мн. др. Нѣсколько разъ употреблено Лепехинымъ слово *юрка*, но для читателя остается не совсѣмъ яснымъ его значеніе: «случается» говоритъ онъ (12), «что на одномъ торосѣ (льдинѣ) столько звѣрей побиваютъ, что одинъ карбасъ всего юрка́ къ берегу притащить не можетъ» или далѣе: «всѣ промышленныя суда съ своими *юрками* выгребаютъ къ берегамъ». У г. Подвысоцкаго читаемъ: «*юрокъ, вьюрокъ, юрка* — связка сырыхъ шкуръ морскихъ звѣ-

рей, нанизанныхъ на веревку или ремень изъ моржовой кожи; въ такомъ видѣ шкуры эти тянутъ по льду до берега или же буксируютъ по водѣ, привязавъ къ прикрѣпляемой у кормовой части судна *стягъ*». Шренкъ даетъ слову *юрокъ* болѣе обширное значеніе: по его толкованію это — «извѣстное количество вмѣстѣ собранныхъ однородныхъ предметовъ, напр. юрокъ оленей, юрокъ звѣриныхъ кожъ, юрокъ вицей (прутьевъ)». Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что изъ прежнихъ собирателей словъ Архангельской губерніи покойный Шренкъ даетъ наиболѣе полныя и обстоятельныя объясненія.

Недостаетъ у г. Подвысоцкаго слѣдующихъ трехъ словъ, приводимыхъ Лепехинымъ: *щапъ*, *смолье* и *пыкъ* (*Путеш. IV*, стр. 435, 440 и 450) *Щапъ* — это, по словамъ ученаго путешественника, топорная засѣчка, наискось въ дерево углубляемая; *смолье* — расколотыя и расщепленныя при смолокуреніи полѣнья, наконецъ *пыкъ* есть очевидно нѣсколько измѣненное нѣмецкое Pech и означаетъ такую смолу, которая кипяченіемъ совершенно освобождена отъ всякой влажности.

Рядомъ съ *Путешествіемъ* Лепехина, я, для повѣрки словаря г. Подвысоцкаго, пользовался: 1) Появившимся въ 1828 г. *Четырехкратнымъ путешествіемъ* флота капитанъ-лейтенанта Ѳ. Литке въ Сѣверный Ледовитый океанъ, 2) *Очерками Архангельской губерніи*, сочиненіемъ молодого, весьма даровитаго, но къ сожалѣнію рано умершаго литератора Верещагина, изданнымъ въ 1849 году, и 3) книгою г. Максимова: *Годъ на Сѣверѣ*. И результатъ моихъ сличеній былъ тотъ же. Примѣръ изъ Путешествія графа Литке былъ уже приведенъ выше. Укажу здѣсь на 2—3 слова, встрѣчающіяся въ остальныхъ двухъ сочиненіяхъ. Верещагинъ, исчисляя разныя роды судовъ, употребительныхъ на Поморьѣ, упоминаетъ, послѣ извѣстныхъ шнякъ, *раньшины*, легкія палубныя суда съ двумя мачтами. «Имя свое, прибавляетъ онъ, получили онѣ отъ того, что на нихъ раньше всѣхъ прочихъ судовъ промышленники привозятъ рыбу для продажи». Г. Подвысоцкій даетъ этому слову формы: *раньшина* и *раньщина* съ

такимъ болѣе обстоятельнымъ объясненіемъ: «Небольшое въ родѣ шняки мореходное судно съ возвышенными бортами, иногда съ навѣсомъ посединѣ и съ двумя мачтами. Называется такъ оттого, что ходитъ на промыслъ раннею весною и ранѣе другихъ судовъ возвращается съ промысла. На нихъ же привозятъ въ Архангельскъ первую весенняго укола свѣжепросольную треску. Рабочій на раньшинѣ называется *раньшикъ*, *раньщикъ*».

Г. Максимовъ (стр. 405 и 406) въ разсказѣ о дружелюбныхъ сношеніяхъ Лопарей съ Русскими, говоритъ между прочимъ: «патріархально гостепріимный въ своей вѣрѣ Лопарь любитъ заводитъ (съ Русскими) тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай «*крестованья*» и предлагаетъ знакомцу-помору «*покрестоваться*», то есть обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями». Этотъ обычай упомянутъ и г. Подвысоцкимъ при словѣ *крестованье*. Отъ него мы узнаемъ сверхъ того, что *крестовымъ братомъ* или *крестовушкой* называется также мужчина, имѣющій однихъ и тѣхъ же съ кѣмъ-либо воспріемниковъ. Часть этихъ поясненій находимъ уже и въ нашемъ областномъ словарѣ. Даль прибавляетъ: «Если у заболѣвшаго на ходу бурлака есть на судѣ крестовый братъ, то этотъ покидаетъ судно, лишаясь заработковъ поколѣ не пристроитъ брата», при чемъ однакожъ не объяснено, къ какой мѣстности относится это замѣчаніе: можетъ-быть тотъ же обычай встрѣчается не въ одной Архангельской губерніи.

Изъ сдѣланныхъ сличеній мы убѣждаемся, что словарь г. Подвысоцкаго относительно полонъ и въ такъ называемой номенклатурѣ, и въ сообщаемыхъ имъ объясненіяхъ словъ. Употребляю выраженіе *относительно*, потому, во 1-хъ, что совершенной полноты трудно и едва ли возможно достигнуть въ такомъ дѣлѣ даже соединенными силами многихъ, а тѣмъ болѣе трудомъ одного лица, а во 2-хъ, что дѣйствительно, уже и въ находящихся передъ нами спискахъ словъ Архангельской губерніи есть нѣсколько такихъ реченій, которыя не вошли въ разбираемый словарь. напр. въ немъ пропущено слово *теленокъ*, озна-

чающее оленя на 1-мъ году. Это оказывается изъ слѣдующаго замѣчанія Верещагина (65): «олени отъ своего рожденія до 5 лѣтъ имѣютъ особенныя названія; именно: на 1-мъ году олень называется *теленкомъ*, на 2-мъ самецъ — *уракомъ* самка — *вóнделкою;* на 3-мъ самецъ — *убарсомъ*, самка — *вонделваженкою*; на 4-мъ самецъ — *кундусомъ*, самка — *важенкою*, и это имя остается ей на всегда; самецъ же съ 5-го года носитъ названіе *быка*». Всѣ эти термины, кромѣ перваго и пятаго, показаны въ томъ же значеніи и г. Подвысоцкимъ. Мы узнаемъ у него вдобавокъ, что *важенкою* собственно называется телившаяся уже самка, и что для означенія трехлѣтней вполнѣ развившейся самки употребляется еще слово *я́рица*. Названія же *вонделважженка* въ словарѣ нѣтъ. За то г. Подвысоцкій прибавляетъ слова: *лóпанка* (такъ называется олень моложе годоваго возраста) и *хора* — трехлѣтней взрослый самецъ [1]).

Пропускъ нѣкотораго количества словъ въ трудѣ г. Подвысоцкаго произошелъ, очевидно, отъ того, что онъ работалъ совершенно одинъ и не имѣлъ въ рукахъ трудовъ своихъ предшественниковъ по собиранію провинціализмовъ Архангельской губерніи. Но этого недостатка нельзя считать особенно важнымъ, такъ какъ при печатаніи словарь легко можетъ быть дополненъ составителемъ по тѣмъ пособіямъ, которыя указаны въ нашемъ разборѣ. За то, съ другой стороны, въ совершенной самостоятельности труда г. Подвысоцкаго нельзя не признать своего рода достоинства: почти весь содержащійся здѣсь богатый матеріалъ собранъ изъ перваго источника, изъ устъ живыхъ людей, и такимъ образомъ можетъ служить незамѣнимымъ матеріаломъ для повѣрки собранныхъ другими, ранѣе г. Подвысоцкаго, словъ и выраженій изъ народнаго быта въ той же губерніи.

---

[1]) Обиліемъ названій оленя въ разныхъ возрастахъ особенно отличается списокъ Шренка (стр. 148 и 149). У него также приведено слово *теленокъ*; вм. *убарсъ* пишетъ онъ *уварсъ;* вм. *кундусъ—контусъ*. Изъ названій этого разряда, отмѣченныхъ Шренкомъ, у г. Подвысоцкаго недостаетъ только *шаламатъ* — олень на 4-мъ году возраста.

Перейдемъ теперь къ той сторонѣ словаря г. Подвысоцкаго, которая заключается въ приведенныхъ имъ подъ множествомъ словъ примѣрахъ и придаетъ его словарю особенную цѣну, дѣлая его важнымъ пособіемъ для ближайшаго изученія природы, обычаевъ, нравовъ и повѣрій населенія сѣверной части Европейской Россіи. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, почерпаемыя изъ словаря г. Подвысоцкаго, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) Естествовѣдѣніе, 2) Бытъ: обычаи, игры, въ особенности свадебные обряды; 3) примѣты, заклинанія, повѣрья; 4) мореплаваніе; 5) охота и рыболовство; 6) земледѣліе. По части быта особенно много свѣдѣній представляютъ слова, касающіяся женитьбы, такъ что по нимъ легко составить довольно полное описаніе относящихся сюда обычаевъ. Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ и выпишемъ для примѣра цѣлый рядъ словъ съ помѣщенными подъ ними объясненіями, чтобы показать, какой богатый матеріалъ для мѣстной этологіи можно извлечь изъ разсматриваемаго словаря. Подъ выраженіемъ *барина женить* мы узнаемъ, что такъ называется употребительная на вечеринахъ игра съ хоровыми пѣснями, въ которой одинъ изъ парней, при содѣйствіи другихъ участвующихъ, продѣлываетъ всѣ отъ начала сватовства свадебные пріемы. Подъ словомъ *зарученіе* находимъ слѣдующія подробности: «обрядъ благословенія жениха и невѣсты родителями этой послѣдней при формальномъ изъявленіи согласія на ея замужство; также устраиваемое по этому поводу домашнее празднество. Обыкновенно, когда сватъ является сватать невѣсту и проситъ дать ему приказъ или отказъ, родители невѣсты не даютъ рѣшительнаго отвѣта, а просятъ отсрочки, чтобы поспѣшнымъ отвѣтомъ *не подвести себя подъ сомнѣніе* или не оскорбить жениха, если имѣется въ виду отказъ. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ женихъ оказывается подходящимъ, то родители невѣсты извѣщаютъ его о днѣ, въ который онъ можетъ *узнать приказъ*, приглашая въ то же время къ себѣ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, и когда приходитъ женихъ, то, вмѣстѣ съ объявленіемъ согласія, предъявляютъ ему невѣсту

(позволяютъ смотрѣть ее), при чемъ конечно происходитъ и посильное угощеніе. Этотъ-то домашній обрядъ, празднество, и называется: *заручéнье*, также: *рукобитье*, *пропой* (говорятъ: *пропиваютъ невѣсту*), *смотрины*, *маленькое смотрѣніе*, *смотрѣньице*; просватать же невѣсту называется: *пропи́тъ*, *просандáлить дѣвку*. Обыкновенно женихъ является на смотрины въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, предварительно собирающихся въ его домѣ (у Кореловъ въ Кем. у. ихъ сзываютъ ружейными выстрѣлами). Смотрѣніе же невѣсты начинается съ того, что невѣсту, прячущуюся обыкновенно въ такъ называемомъ *бабьемъ углѣ*, выводятъ какъ бы насильно къ жениху, при чемъ дѣлаютъ они другъ другу подарки».

«*Заплачка*:—старинный предсвадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что невѣста, въ промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, оплакиваетъ свою судьбу и прощается съ родителями, родственниками и дѣвушками-подругами. Это необходимый обрядъ приличія, и каждая порядочная дѣвушка, хотя бы выходила замужъ вполнѣ добровольно и по горячей любви, непремѣнно должна плакать и даже *биться по модѣ*, такъ чтобы руки и ноги опухли и посинѣли (говорится также: *убиваться*). Это-то дѣйствіе и называется: *заплачка*, также: *плакище*, *голошéніе* (говорятъ: *сегодня у невѣсты плакище*, *голошеніе*, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ невѣста, обращаясь къ отцу, *припла́киваетъ*, *бѣднится*: *отдалъ ты меня*, *батюшка*, *да приневолилъ*—а отецъ отвѣчаетъ на это: *некуда тебя пасти*, *дитятко*, *съ Богомъ*, *живи хорошенько*.

«*Па́ра*: стариннаго покроя крытая штофомъ шубейка (называемая полушубокъ) съ юбкою къ нему. Одежда эта, вмѣстѣ съ повязкою, надѣвается невѣстою во время *заплачки* и передается выходящею замужъ слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ; послѣдняя же выходящая замужъ сестра оставляетъ себѣ ее въ собственность, въ видѣ приданаго. Какъ обычная одежда, *пара* уже вышла изъ употребленія, и дѣвушки надѣваютъ ее иногда только на гуляньяхъ. *Такъ-то ужъ баско, очень басисто какъ*

наша краля материнску пару надѣла». Обрядъ, соблюдаемый передъ свадьбой, описанъ подъ словомъ *Гомылька*: — «большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу. Когдъ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, родители благословляютъ невѣсту, женихъ набрасываетъ на нее *гомыльку*, такъ, чтобы лицо было закрыто и въ это время свадебницы поютъ: *пала гомылька на буйную голову, ее вѣтромъ не сдуетъ и частымъ дождемъ не смочитъ*. При входѣ въ церковь сватья снимаетъ гомыльку, а послѣ *окрутки* снова накрываетъ ею невѣсту, которая не открывается и по пріѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха, — даже и на свадебномъ обѣдѣ, пока не поставятъ на столъ сладкій пирогъ. Тогда свекровь благословляетъ молодыхъ хлѣбомъ, обращается къ гостямъ съ словами: *свадебники и свадебницы, сусѣди и сусѣдушки, смотрите на мою невѣстушку, какова*, и затѣмъ снимаетъ съ молодой гомыльку. Что слѣдуетъ далѣе, объяснено подъ словомъ *Приводно*: «обрядъ вступленія новобрачной въ домъ мужа послѣ вѣнчанія. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители молодого съ иконою и благословляютъ; потомъ молодой садится, а молодая, у которой лицо закрыто платкомъ, стоитъ передъ нимъ нѣкоторое время, кланяется ему и наконецъ садится рядомъ съ нимъ. Послѣ этаго начинается обѣденный столъ (называется приводной столъ), въ продолженіи котораго голова молодой прикрыта платкомъ, а по окончаніи обѣда *вѣжливый*, помахавъ надъ головами новобрачныхъ хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ молодой и спрашиваетъ у присутствующихъ: *какова молодая*? на что всѣ отвѣчаютъ одобрительно».

«*Сторожъ* — одно изъ важныхъ должностныхъ лицъ при свадьбѣ, то же что въ другихъ мѣстностяхъ *вѣжливый*. Состоя главнымъ образомъ при женихѣ, онъ распоряжается брачнымъ обиходомъ и поѣздомъ въ видахъ предохраненія жениха и невѣсты отъ порчи: устраиваетъ столъ для брачнаго пира, и при этомъ непремѣнно самъ разстилаетъ скатерть; разсаживаетъ участниковъ пира на надлежащихъ мѣстахъ; рѣжетъ хлѣбъ, благословясь предварительно у хозяина и хозяйки; читаетъ мо-

литву передъ столомъ; распоряжается подачей кушаньевъ; наконецъ отводитъ новобрачныхъ на подклѣть къ брачному ложу, при чемъ даетъ имъ напиться вина, пошептавъ предварительно извѣстныя слова, долженствующія внушить молодымъ страстную на всю жизнь взаимную любовь».

«*Подклѣть*— одинъ изъ свадебныхъ обрядовъ, именно встрѣча возвращающихся отъ вѣнца новобрачныхъ родителями жениха съ хлѣбомъ и солью, подъ которыми должны они пройти въ домъ молодого,—а затѣмъ, когда молодые станутъ на своихъ мѣстахъ у свадебнаго стола, отецъ молодаго береть два калача, обводитъ ими вокругъ головъ новобрачныхъ и открываетъ закрытую до того времени гомылкою новобрачную».

«*Почёстный столъ*, *почёстье*: 1) обѣденный столъ у жениха послѣ зарученья 2) обѣденный столъ у новобрачныхъ на другой день послѣ свадьбы, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ у родителей молодой для родственниковъ молодаго».

«*Хлѣбины*, *Красной столъ*— обѣденный, дня черезъ два или три послѣ свадьбы, столъ у отца невѣсты для новобрачныхъ; послѣ этого стола, молодая получаетъ окончательно приданое отъ своихъ родителей».

Теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ объясненій, относящихся къ другимъ сторонамъ народнаго быта.

«*Борода́ зави́ть*—окончить полевыя работы по уборкѣ сѣна или хлѣба. *Сѣнная борода́ завить*—сгрести и поставить въ стоги сѣно. *Хлѣбная борода завить*—сжать и убрать съ поля хлѣбъ. Обыкновенно, во второй половинѣ или въ концѣ августа, для уборки остающагося еще на поляхъ хлѣба, зажиточнѣйшіе крестьяне заколачиваютъ дѣвушекъ, жонокъ и парней на *бороду*, т. е. просятъ дожать общими силами въ одинъ день остающійся на полѣ хлѣбъ или убрать на по́жнѣ сѣно. Такая уборка называется: *борода*, а звать на помочь для уборки—*звать на бороду*. Говорятъ напримѣръ: *у дѣдушки Пантелѣя сегодня борода*, или *бороду завили*, т. е. окончили жатву или уборку сѣна. При окончательномъ дожинѣ хлѣба, оставляютъ на нивѣ кучку стеблей съ

колосьями, горсти въ три объемомъ, связываютъ всѣ стебли лентой и срѣзываютъ колосья, а оставшуюся солому разгибаютъ сверху въ стороны и кладутъ туда горсть земли, послѣ чего дѣлается собственно завитіе бороды: дѣвушки, распѣвая веселыя пѣсни собираютъ на межѣ около поля цвѣты, убираютъ ими оставленную кучку соломы и землю вокругъ нея, и затѣмъ, вмѣстѣ со всѣми участвовавшими въ помочи, идутъ въ домъ хозяина и поздравляютъ его съ окончаніемъ работы, а тотъ предлагаетъ имъ угощеніе, въ заключеніе котораго водятъ хороводы, поютъ пѣсни и играютъ въ разныя игры».

Подъ словомъ *Бѣжня* узнаемъ, что на Сѣверѣ до сихъ поръ употребительна въ народѣ игра, похожая на метаніе дисковъ у древнихъ: «каждый участвующій бросаетъ покатомъ по землѣ деревянный кружокъ, называемый *бѣжня*, и догоняетъ его: кто дальше закатитъ и прежде всѣхъ догонитъ, тотъ выигрываетъ». *Молить вѣтеръ*—суевѣрный обрядъ, соблюдаемый женщинами прибрежныхъ селеній Кемскаго уѣзда по случаю ожидаемаго осенью возвращенія ихъ мужей и родственниковъ съ мурманскихъ промысловъ: вечеромъ выходятъ онѣ всѣмъ селеніемъ *молить вѣтеръ, чтобы* не *серчалъ и давалъ льготу дорогимъ лѣтникамъ*; на слѣдующую же ночь отправляются къ берегу рѣчки или ручья, моютъ котлы, бьютъ полѣномъ флюгеръ (чтобы тянулъ повѣтерье), и при этомъ стараются насчитать трижды девять плѣшивыхъ односельчанъ или иныхъ знакомыхъ, отмѣчая числа ихъ углемъ на лучинахъ съ крестообразною вверху поперечкою; затѣмъ всѣ отправляются съ этими лучинами на задворки, выкрикиваютъ тамъ во все горло: *востокъ да объдникъ пора потянуть, западъ да шалоникъ пора покидать, тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя, востокова плѣшь напередъ пошла*, — бросаютъ лучинки назадъ себя черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и припѣваютъ: *востоку да объднику каши наварю и блиновъ напеку, а западу шалонику спину оголю, у востока да объдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла*. По окончаніи этого припѣва, осматриваютъ брошенныя

лучины, такъ какъ въ которую сторону легли онѣ крестомъ, съ той стороны будетъ вѣтеръ; если же по которой нибудь лучинѣ окажется вѣтеръ неблагопріятный, то, посадивъ на щепку таракана, пускаютъ ее на воду, приговаривая: *поди тараканъ въ воду, подними тараканъ сѣверá*, т. е. сѣверные вѣтры, самые благопріятные для возвращающихся съ Мурманскаго берега».

«*Уличный уставъ*. Въ Архангельской губерніи почти каждый крестьянинъ, независимо отъ фамиліи, подъ которой записанъ въ ревизскихъ сказкахъ, имѣетъ еще такъ называемый уличный уставъ, т. е. прозвище по уличному, даваемое нерѣдко еще въ ребячествѣ своими собратами, иногда въ насмѣшку, а иногда по какой-нибудь внѣшней особенности. Такія же вторыя, только между крестьянами употребительныя названія имѣютъ, помимо оффиціальныхъ, и весьма многія населенныя мѣстности».

Наконецъ остановимся на замѣчательномъ словѣ *выть*, которое обратило на себя вниманіе уже со времени изданія академическаго областного словаря, потомъ полнѣе объяснено Далемъ, а теперь въ трудѣ г. Подвысоцкаго является еще въ болѣе точномъ толкованіи и обширнѣйшемъ примѣненіи.

«*Выть*. 1) Старинная земельная мѣра (Обжа).— 2) Ѣда, количество употребляемой за разъ ѣды (франц. repas). *Давать одну выть въ день* — кормить по разу въ день. *Заѣлъ три выти*— съѣлъ втрое. *Ѣшь, не пьешь, а за выть сочтутъ* т. е. будутъ считать, что ѣлъ. *По три выти заразъ охлестывать. Позолотить выть*—полакомиться чѣмъ-либо послѣ ѣды. *Маловытное содержаніе*, — харчи, недостаточная скудная пища. 3) Пора ѣды и въ связи съ этимъ, такъ какъ потребленіе пищи происходитъ въ различные часы дня, извѣстное пространство времени; говорятъ напримѣръ: *въ три выти дрова свозилъ*, т. е. въ періодъ времени, въ продолженіе котораго обыкновенно три раза ѣдятъ; *по зимамъ выти коротки*, т. е. короткіе дни. Крестьяне, смотря по большей или меньшей продолжительности рабочаго дня, ѣдятъ 3—4 раза въ день, или, по туземному выраженію, у нихъ 3—4 выти въ день: 1-я выть — завтракъ, между 4 и 6 часами утра,

смотря по досугу и работѣ; 2-я выть—обѣдъ; 3-я выть—между обѣдомъ и ужиномъ; 4-я выть—ужинъ. У промышленниковъ въ морѣ двѣ главныя выти: 1-я, когда придетъ къ обѣднику, т. е. въ 9 часовъ утра, и 2-я, когда солнце на шалоникѣ, т. е. въ три часа пополудни. *Во втору выть былъ я у ево, а онъ, сказывали въ дому, ужь со три выти спитъ* (т. е. три четверти дня). Поговорки: *хоть звать не зови, только вытью корми; каковъ у выти, таковъ и у дѣла; съ выти на выть, и не знаемъ какъ быть; для одной выти да руки мыти; за кажду выть да руки мыть.* Въ приглашеніяхъ на угощеніе поморы зовутъ *на выти* (на такую-то), напр., въ случаѣ спуска новопостроеннаго судна является къ приглашаемому мальчишка-подростокъ и говоритъ *дядя* (положимъ Пантелей) *на первую выть звалъ тебя на лодейку спущаться, пожалуй-ко.* 4) Всякіе вообще съѣстные припасы. 5) Позывъ на ѣду, аппетитъ. *У ево за все больша выть. Коли нѣтъ выти, пущай и не ѣстъ. Заморить выть*—утолить аппетитъ. *Маловытной,* не имѣющій аппетита. *Съ измала онъ у насъ такой маловытной».*

Въ числѣ примѣровъ, приводимыхъ для подтвержденія словъ, въ трудѣ г. Подвысоцкаго разсѣяно множество мѣстныхъ поговорокъ, въ концѣ же помѣщенъ, расположенный въ азбучномъ порядкѣ по первому слову, списокъ загадокъ, употребительныхъ въ Архангельской губерніи.

Къ достоинствамъ словаря г. Подвысоцкаго слѣдуетъ отнести и то, что надъ каждымъ словомъ означено его удареніе, весьма важное руководство для правильнаго воспроизведенія его, и что кромѣ того при каждомъ словѣ показано, въ какихъ именно уѣздахъ губерніи оно слышано. Конечно словарь еще значительно выигралъ бы въ научномъ отношеніи, если бы составитель при словахъ, заимствованныхъ у инородцевъ (которыхъ, особенно Финновъ, много въ Архангельской губерніи), означалъ какому именно племени они принадлежатъ, но съ другой стороны надо согласиться, что такое дѣло во многихъ случаяхъ представляетъ большія трудности и требуетъ обширныхъ лингвистическихъ

познаній, не легко соединимыхъ съ другими условіями, которыя нужны были для доставленія возможности къ появленію такого словаря. Задача, какую предположилъ себѣ составитель, сама по себѣ удовлетворяетъ весьма важной потребности: именно она состояла въ томъ, чтобы «изъ живого источника собрать матеріалъ областного народнаго языка въ томъ видѣ, какъ онъ живетъ на мѣстѣ и въ связи съ дѣйствующими на говоръ этнографическими условіями». Эта задача выполнена составителемъ вполнѣ успѣшно: мы обязаны ему первымъ въ русской филологической литературѣ цѣлымъ словаремъ значительнаго объема по одному областному нарѣчію. Если бы примѣръ этотъ нашелъ послѣдователей и мало по малу явились такіе же словари и по другимъ мѣстнымъ говорамъ нашего народа, то какимъ богатымъ матеріаломъ могла бы располагать русская филологія!— Дальнѣйшая научная разработка ихъ была бы уже дѣломъ сравнительно легкимъ и не замедлила бы послѣдовать. Поэтому нельзя не цѣнить высоко настоящаго труда, какъ перваго въ своемъ родѣ опыта, могущаго сдѣлаться началомъ весьма желательнаго развитія у насъ діалектологіи, столь богатой у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, особенно у Нѣмцевъ и Итальянцевъ. Трудъ г. Подвысоцкаго представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что въ немъ разработано нарѣчіе края, бывшаго колыбелью отца нашей новой художественной литературы, — нарѣчіе, котораго слѣды легко отыскать и въ собственныхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

По всѣмъ выставленнымъ здѣсь качествамъ словаря г. Подвысоцкаго, Отдѣленіе русскаго языка и словесности не обинуясь признало его достойнымъ Ломоносовской преміи, которую и присуждаетъ ему тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что этотъ трудъ конечно заслужилъ бы полное сочувствіе и одобреніе со стороны геніальнаго виновника находящейся въ распоряженіи нашемъ преміи.